

- непримиримости махизма с марксизмом мнимое согласие эмпириокритицизма с «субъективизмом» народников (см.: Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм... С. 333; Блюм (Н. Рахов) О. К философии марксизма. (Две статьи о русских эмпирио-критиках). Рига. 1908. С. 56—57).
- 80 Юшкевич П. С. Материализм и критический реализм... С. 73. По поводу своего эмпириосимволизма в другом месте он писал: «Развиваемая мной теория эмпириосимволизма не ставит себе прямой задачей выработку специально марксистского миросозерцания. Философские проблемы она берет прежде всего с чисто философской стороны» (Юшкевич П. С. На тему дня... С. 383).
- 81 Юшкевич П. С. Материализм и критический реализм... С. 73.
- 82 Как известно, этот вопрос был поднят и на страницах журнала немецкой социал-демократии «Die Neue Zeit», приведшего распространенное мнение о махизме как философии большевизма, что вызвало резкое опровержение со стороны большевистского органа «Пролетарий» (см.: Bogdanov A. A. Ernst Mach und die Revolution // Die Neue Zeit. 1908. Jngr. XXVI. Bd. 1. S. 695—696; Заявление // Пролетарий. 1908. 13 февр.; Notizen: Mach in Russland // Die Neue Zeit. 1908. Jngr. XXVI. Bd. 1. S. 898).
- 83 См.: Kelly A. Empiricism: A Bolshevist Philosophy? // Cahiers du monde russe et soviétique. 1981. Vol. XXII. P. 89—118; Кузьмин А. Г. К какому храму ищем мы дорогу? // Наш современник. 1988. № 3. С. 157; Гангнус А. На руинах позитивной эстетики. Из истории одного термина // Новый мир. 1988. № 9. С. 147—163; Гангнус А. Что ты сделал с братом своим? // Театр. 1989. № 6. С. 92—110. См. также критику указанных авторов в ст.: Gloveli G. D. «Socialism of Science» Versus «Socialism of Feelings»: Bogdanov and Lunacharsky // Studies in Soviet Thought. 1991. № 42. P. 29—32.
- 84 См., например: Луначарский А. В. Будущее религии // Образование. 1907. № 10. С. 1—25; № 11. С. 30—67; Литературный распад. Критический сборник. СПб., 1908. С. 153—172, 287—299; Очерки философии коллективизма. СПб., 1909; Н. Н. О пролетарской этике. М., 1906. По поводу «коллективизма» основоположников эмпириокритицизма см.: Mach E. Die Analyse der Empfindungen und das Verhältnis des Physischen zum Psychischen. Darmstadt, 1985. S. 3—4; Avenarius R. Kritik der reinen Erfahrung. Leipzig, 1908—1921. S. 328—351.

Авторизованный перевод с итальянского

Научное редактирование А. Г. Барабашева

Ю. Л. МЕНЦИН

«ЗЕМНОЙ ШОВИНИЗМ» И ЗВЕЗДНЫЕ МИРЫ ДЖОРДАНО БРУНО

Историк должен ясно ответить на вопрос: за что же, в конце концов, сожгли Джордано Бруно?

А. Ф. Лосев. Эстетика Возрождения

Не нужно нам других миров. Нам нужно зеркало. Мы не знаем, что делать с иными мирами.

Ст. Лем. Солярис

Современный кризис древней идеи

Более тридцати лет назад, когда только начались космические полеты и резко возросли связанные с ними надежды на близкую встречу с «братьями по разуму», Станислав Лем в гениальном, на мой взгляд, романе «Солярис» писал, что, отправляясь в Космос, мы должны быть готовыми к встрече с Неизвестным, т. е. к встрече с принципиально новыми ситуациями, не имеющими никаких земных аналогов. Мы должны понимать, что развитие иных миров скорее всего шло путями, радикально отличавшимися от земного, поэтому контакт с обитателями

таких миров или может оказаться невозможным, или будет происходить в формах, недоступных анализу нашего разума.

К сожалению, предостережения польского фантаста и философа практически не были услышаны ни многочисленными поклонниками НЛО, ни вполне серьезными учеными, пытающимися вот уже несколько десятилетий обнаружить радиосигналы из других миров, обитатели которых явно мыслятся полными подобиями современных научных сотрудников, сидящих у телескопов. Эту разновидность гео- или, скорее, «НИИ-центризма» В. Ф. Шварцман очень удачно назвал «естественнонаучным шовинизмом», отметив, что, не зная, во имя чего должны вестись передачи, мы тем не менее считаем оптимальным способом космических посланий именно радиоволны. В результате проблему контактов с иными мирами мы постоянно сводим к проблеме создания все более крупных радиотелескопов, не задумываясь всерьез о целях, возможном содержании и, как следствие, способах передачи подобных посланий (см. [1, с. 232]).

Пытаясь обнаружить какие-либо сигналы от внеземных цивилизаций, мы должны прежде всего учитывать то, что уже сами понятия «сигнал», «цивилизация» и т. п. слишком земные и антропоморфные, чтобы служить надежной основой для наших космических поисков. Не исключено, впрочем, что слишком земными являются даже такие фундаментальнейшие понятия, как «жизнь» и «разум», и что они не приложимы к тем формам бытия, с которыми мы можем столкнуться во Вселенной. Но это значит, что в наших поисках главной задачей должно стать не наращивание мощности телескопов, не фантазирование о возможных путях развития гипотетических обитателей других миров, а радикальное преодоление антропоморфизма нашего мышления — постоянного стремления видеть в Неизвестном лишь подобие нас самих.

Исключительно важным и поучительным примером попытки преодоления этого «земного шовинизма» является трагическая и во многом загадочная судьба Джордано Бруно (1548—1600). Историки уже очень давно спорят о том, почему, собственно, учение итальянского философа о бесконечности Вселенной и множе-

ственности в ней обитаемых миров показалось инквизиции настолько опасным, что для его искоренения 17 февраля 1600 г. в Риме на Площади цветов был разведен костер. Однако только сейчас, приступив к активным поискам сигналов от внеземных цивилизаций и перестав воспринимать как само собой разумеющееся идею о том, что если жизнь возникла на Земле, то почему она не может возникнуть вблизи других звезд, мы начинаем в полной мере осознавать, насколько глубоким был разрыв между воззрениями Бруно и распространенными тогда взглядами на устройство мира и насколько все-таки земными остались его гениальные прозрения.

В этой статье я попытаюсь показать, во-первых, что основные причины осуждения Бруно были обусловлены тем, что, развивая учение о множественности миров, он пошел гораздо дальше своих предшественников и, в частности, сумел выявить антихристианский потенциал этой древней идеи; во-вторых, что философская концепция Бруно принципиально не допускала дальнейшего развития. Поэтому ее автор стал заложником собственных взглядов, не желая отказываться от них совсем и не имея возможности разрабатывать их (как это сделал Галилей после вынужденного покаяния) в какой-то более приемлемой форме. Отсюда несговорчивость философа, ставшая причиной трагедии.

Викторий Павлович Шварцман
(1945—1987).
Фото из архива друзей

Непонятный приговор

Причины осуждения Джордано Бруно были не очень ясны даже очевидцам казни, так как перед народом зачитали лишь приговор без обвинительного заключения. В. С. Рожицын, автор фундаментального труда о процессе по делу Бруно, пишет, что в тексте приговора отсутствовала важная деталь — причины осуждения. Упоминалось только о восьми еретических положениях, давших основание объявить Бруно нераскаившимся, упорным и непреклонным еретиком. Но в чем именно состояли эти положения, не разъяснялось (см. [2, с. 366—370]).

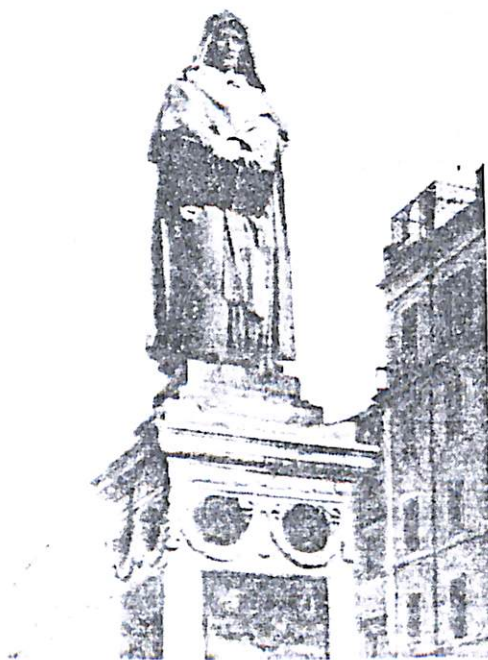
Юридическая неконкретность приговора породила в Риме слух о казни Бруно «за лютеранство», что было бы вопиющим нарушением достигнутого в 1598 г. соглашения о примирении между протестантами и католиками. Опровергая этот слух, Каспар Шоппе — человек, близкий к папскому двору, — объяснял в письме к своему другу, что сожженный был не лютеранином, а воинствующим еретиком, который учил в своих книгах таким чудовищным и бессмысленным вещам, как, например, то, что миры бесчисленны, что душа может переселяться из одного тела в другое и даже в другой мир, что магия — хорошее и дозволенное занятие и т. п. Шоппе писал, что, не раскаившись в своих грехах, Бруно жалко погиб, отправившись в другие, измышленные им миры рассказать, что делают римляне с людьми богохульными и нечестивыми (см. [там же, с. 369]).

Шоппе, послание которого долгое время оставалось единственным письменным источником, объясняющим причины осуждения Бруно, несомненно, связывал ересь философа с учением о множественности миров, хотя характер этой связи был не совсем ясен. Косвенным же подтверждением такой связи служило то, что запрету и сожжению были подвергнуты книги этого еретика и, наконец, самым важным доказательством существования этой связи явилась та настороженность и враждебность, с какой церковь стала относиться ко всему, что хоть чем-то напоминало ей идеи Бруно: запрещение в 1616 г. распространять учение Коперника; сожжение в 1619 г. Ваннини, разделявшего некоторые взгляды Бруно; осуждение в 1633 г. Галилея*; неоднократные, хотя и безуспешные попытки запретить книгу Фонтенеля «Беседы о множестве миров» и др.

В XIX в., когда учение о бесконечности Вселенной и множественности обитаемых миров получило повсеместное распространение, имя Бруно было занесено в почетный список мучеников за науку, а в 1889 г. в Риме на Площади цветов был установлен памятник, на котором написано: «Джордано Бруно от столетия, которое он провидел, на том месте, где был зажжен костер». Тем самым справедливость восторжествовала, однако в этом же столетии были обнаружены считавшиеся безвозвратно потерянными документы процесса по делу Бруно**, которые стали для историков подлинной сенсацией, так как заставили по-новому взглянуть на вопрос о причинах осуждения философа. В частности, католические историки А. Меркати, Л. Фирпо, Л. Чикуттини пришли к категорическому выводу о полной невиновности церкви в этом процессе, где речь шла не о научных

* Авторы статьи [3] считают, что настороженность инквизиции в деле Галилея была отчасти обусловлена тем, что в этом ученом она, хотя и совершенно ошибочно, заподозрила сторонника бруновских ересей.

** Архивы венецианской инквизиции, арестовавшей Бруно, были найдены Ц. Фукаром в 1848 г. и впервые опубликованы Д. Берти в 1868 г. (см. также [4]). Кроме того, последний в 1876 г. издал несколько документов, осветивших ход римского процесса. Еще 26 декретов римской инквизиции по делу Бруно были напечатаны в 1925 г. Основной же массив документов по этому делу погиб в 1809 г., когда архивы римской инквизиции были на некоторое время вывезены в Париж. В 1886 г. в архиве Ватикана обнаружили «Краткое изложение следственного дела Джордано Бруно», составленное в 1597—1598 гг. по распоряжению кардиналов-инквизиторов и послужившее основой для вынесения обвинительного заключения и приговора. Это «Изложение», однако, удалось опубликовать только в 1942 г., так как папа Лев XIII тайно перенес его в личный архив, где оно было обнаружено лишь в 1940 г. архивариусом А. Меркати (см. также [5]).

Памятник Джордано Бруно работы итальянского скульптора Этторе Феррари. На гранях пьедестала — барельефы: диспут Дж. Бруно в Оксфорде, оглашение ему смертного приговора, сожжение на костре, а также скульптурные портреты Сервета, Рамуса, Кампанеллы, Гуса, Виклера, Палеарио, Сартти, Ванини.

и философских проблемах, не о бесконечности и вечности Вселенной, а о проблемах богословия и религии. Джордано Бруно судили не как мыслителя, настаивали эти историки, а как беглого монаха и отступника от веры. По их мнению, церковь могла и должна была вмешаться в его дело. «Способ, которым церковь вмешалась в дело Бруно, — писал Чикуттини, — оправдывается той исторической обстановкой, в которой она должна была действовать; но *право* вмешаться в этом и во всех подобных случаях для любой эпохи является прирожденным правом, которое не подлежит воздействию истории» (см. комментарии в [5, с. 356]).

Следует признать, что у этих историков были серьезные основания для такого категорического вывода. Из материалов процесса по делу Бруно видно, что перед инквизицией предстал не мирный философ, а матерый враг церкви. Что же касается хода процесса, то скорее стоит удивляться терпению следователей и судей. По-видимому, они хорошо понимали всю серьезность брошенного церкви вызова и бессмысленность «выбивания» нужных показаний любой ценой. Инквизиции было нужно действительно добровольное и чистосердечное раскаяние Бруно. Именно поэтому он, наверное, и бросил своим судьям ставшие знаменитыми слова: «Вероятно, вы с большим страхом произносите приговор, чем я выслушиваю его». Но что могло испугать судей Бруно, видевших немало различных еретиков? Для того чтобы ответить на этот вопрос, а также понять, какую все-таки роль в осуждении Бруно сыграла его философия, рассмотрим вначале основные моменты процесса над ним.

«За что же, в конце концов, сожгли Джордано Бруно?»

В начале многих трагедий были слова. Сперва слова новых, не слышанных ранее учений, а затем старых, как мир, доносов.

В ночь с 23 на 24 мая 1592 г. Джордано Бруно был арестован инквизицией Венецианской республики. Основанием для ареста послужил донос дворянина Джованни Мочениго. 26 мая начались допросы Бруно, а 2 июня, отвечая на вопрос о сути своей философии, Бруно сказал: «В целом мои взгляды следующие. Существует бесконечная Вселенная, созданная бесконечным божественным могуществом. Ибо я считаю недостойным благодати и могущества божества мнение, будто оно, обладая способностью создать, кроме этого мира, другой и другие бесконечные миры, создало конечный мир.

Итак, я провозглашаю существование бесчисленных миров, подобных миру этой Земли. Вместе с Пифагором я считаю ее светилом, подобным Луне, другим планетам, другим звездам, число которых бесконечно. Все эти небесные тела составляют бесчисленные миры. Они образуют бесконечную Вселенную в бесконечном пространстве» [4, с. 342].

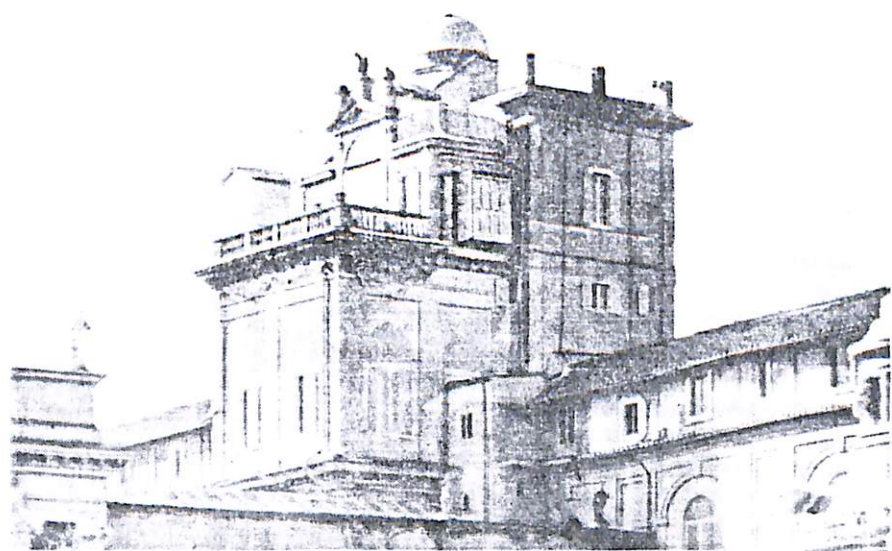
Вряд ли эти взгляды показались следователю Джованни Салюцци бесспорны-

Папа Лев XIII (граф Винченцо Джоакино Печчи). Активно сопротивлялся установке памятника Дж. Бруно и спрятал ряд чужденных документов о ходе судебного процесса. В то же время понтификат Льва XIII (1878—1903) считается одним из «золотых периодов» в истории обсерватории Ватикана, основанной в 1578 г. при папе Григории XIII.

Папа Лев XIII был активным сторонником сотрудничества церкви с парламентскими и республиканскими режимами, а также поощрял создание католических профсоюзов.

«Башня Ветра» — обсерватория Ватикана, модернизированная во времена папы Льва XIII

ми, однако в тот момент философия Бруно интересовала его лишь постольку, поскольку о ней упоминал в своем доносе Мочениго, рассказывая при этом о вещах, куда более страшных, чем иные миры. Так, Мочениго утверждал, что Бруно, живший в его доме в качестве учителя, в разговорах неоднократно отвергал догматы католической церкви, называл Христа обманщиком, дурачившим народ, издевался над непорочным зачатием, рассуждал о каких-то бесчисленных мирах, заявлял, что хочет стать основателем «новой философии» и т. п. (об этом см. [2, с. 285]).

Все эти обвинения Бруно категорически и «с гневом» отверг, а на первый (и обязательный!) вопрос следователя, знает ли арестованный, кто мог написать на него донос и нет ли у написавшего каких-либо причин для мести, сразу же назвал Мочениго и объяснил, что, хотя он добросовестно выполнил все взятые на

себя обязательства по обучению Мочениго так называемому «лиллинезову искусству» (моделированию логических операций с использованием символических обозначений), последний не желает рассчитаться и стремится всеми силами оставить Бруно у себя в доме*. Тем самым по закону донос Мочениго терял силу, а венецианские знакомые Бруно отказались подтвердить предъявленные ему обвинения. В принципе, Бруно мог надеяться на освобождение, но тут на него поступил донос от сокамерников, которые сообщили, что Бруно издевается над их молитвами и проповедует какие-то ужасные вещи, утверждая, в частности, что наш мир — это такая же звезда, как те, которые мы видим на небе (см. [4, с. 373]). Согласно закону этот донос не мог рассматриваться как дополнительная основа для обвинения, так как исходил от лиц, заинтересованных в смягчении своей участи. Однако он был приобщен к делу, а у инквизиции появились весьма серьезные сомнения в искренности арестованного.

Предвосхищая вероятный вопрос о возможности провокаций со стороны инквизиции или просто ложных доносов, отмечу, что стремление лезть на рожон всегда было отличительной чертой характера Бруно. В воспоминаниях современников он сохранился как человек импульсивный, хвастливый, не желавший в пылу полемики считаться ни с чувством собственного достоинства противника, ни с требованиями элементарной осторожности, ни даже с законами логики. Причем все эти, безусловно, не украшавшие философа черты характера легко обнаружить и в его всегда ярких, полемически заостренных сочинениях. Поэтому у нас нет особых причин полагать, что доносчики — люди в основном малограмотные и богобоязненные — что-то специально выдумывали, чтобы опорочить Бруно. К сожалению, с этой задачей он справлялся сам. Вот лишь один из ответов Бруно следователям, зафиксированный в «Кратком изложении»: «Обвиняемый отрицал, что высказывался о девственности (Богоматери — Ю. М.): „Да поможет мне Бог, я даже считаю, что дева может зачать физически, хотя и придерживаюсь того, что святая дева зачала не физически, а чудесным образом от святого духа“ — и пустился в рассуждения о том, каким образом дева может физически зачать» [5, с. 383].

Сходным образом Бруно отвечал и на многие другие вопросы. Обвинения в ересе и кощунствах он категорически отвергал, либо говорил, что его неверно поняли и исказили его слова, либо выкручивался и утверждал, что, имея сомнения и неправильные взгляды, держал их при себе и никогда не проповедовал. Понятно, что такое поведение Бруно вряд ли могло убедить следователей и судей в его искренности и набожности. Скорее они могли предположить, что обвиняемый просто издевается над символами веры, и сделать из этого соответствующие выводы. Тем более что Бруно был беглым доминиканским монахом, уже судимым в молодые годы как еретик**.

«Ты, брат Джордано Бруно... еще 8 лет назад был привлечен к суду святой службы Венеции за то, что объявлял величайшей нелепостью говорить, будто хлеб превращается в тело (Господне. — Ю. М.)» (цит. по [2, 364]). Так начинался приговор, в котором Бруно был публично объявлен нераскаившимся, упорным и непреклонным еретиком, и после знакомства с материалами процесса нам

* Договариваясь об уроках, Мочениго надеялся, что Бруно станет учить его не логике, а магии, которую Бруно неоднократно расхваливал в разговорах со знакомыми и намекал, что сведущ в ней. Намеки на тайные учения можно найти и в трудах Бруно, что стало предметом детального исследования Ф. Ейтс (см. [6]), полагающей, что важнейшей причиной осуждения философа была его приверженность магии. Следует, однако, отметить, что в XVI в. интерес к магии был массовым явлением, карали же не просто за магию, а за колдовство с целью порчи. Между тем, нет никаких свидетельств, включая протоколы допросов, того, что Бруно на практике занимался магией.

** Последнее обстоятельство позволило римской инквизиции добиться выдачи Бруно Риму вскоре после начала следствия в Венеции.

трудно не согласиться с теми историками, которые утверждают, что согласно законам того времени казнь Бруно не была расправой над невиновным.

Другой, однако, вопрос, в чем конкретно виновен Бруно? Публично были перечислены кощунства, способные поразить чувства верующих, но ничего не говорилось об обстоятельствах, при которых они произносились. Между тем для вынесения приговора крайне важно было знать, являлись ли эти слова частью еретической проповеди, или они произносились в частной беседе, или вообще были риторическими оборотами в богословском диспуте о святотатцах. К сожалению, все эти тонкости в приговоре не разъяснялись, а сам он напоминал скорее донос, чем юридический документ, содержащий четко выделенные причины осуждения.

Немало вопросов вызывает и то, что инквизиция, занимаясь делом отпетого еретика и святотатца, тянула следствие восемь лет, хотя в приговоре специально отмечалось «похвальное рвение инквизиторов» (цит. по [2, с. 368]). Но разве для того, чтобы разобраться с кощунствами, требовалось столько времени и разве у святой службы не было соответствующих специалистов, в присутствии которых Бруно вряд ли смог пускаться во флибуллярные рассуждения о непорочном зачатии? Далее. Неужели для осуждения всех богохульств Бруно понадобилось созывать конгрегацию из девяти кардиналов во главе с папой? Нельзя ли в связи с этим предположить, что церковь, публично обвиняя Бруно в грехах, понятных толпе, на самом деле наказывала его за грехи иные?

Обращает внимание то, что уже в самом начале процесса люди, решавшие судьбу Бруно, прекрасно понимали, что имеют дело с человеком неординарным. Так, папский посланник, требуя от властей Венеции выдачи Бруно римской инквизиции, — а это требование было серьезным посягательством на независимость республики, — подчеркивал, что Бруно — это «заведомый ересиарх», судить которого следует в Риме, под надзором папы (см. [4, с. 373]). В свою очередь прокуратор республики Контарини настаивал на том, что Бруно необходимо оставить в Венеции. В докладе Совету мудрых Венеции Контарини отмечал, что Бруно «совершил тягчайшие преступления в том, что касается ереси, но это — один из самых выдающихся и редчайших гениев, каких только можно себе представить, и обладает необычайными познаниями, и создал замечательное учение» [там же, с. 374]. (Выделено мной. — Ю. М.)

Вряд ли, конечно, прокуратор стал бы беспокоиться из-за простого святотатца, а ссылка на «замечательное учение» Бруно заставляет нас вспомнить, что и в доносах на него, и в письме Шоппе нечестивость Бруно связывалась с идеей множественности миров, о которых столь часто любил рассуждать философ. Кроме того, известно, что решающую роль в выявлении ересей Бруно сыграл многолетний анализ инквизиторами его трудов, начало которому положил своеобразный донос. В декабре 1593 г., когда Бруно уже несколько месяцев находился в тюрьме римской инквизиции, следователи получили книгу Бруно «Изгнание торжествующего зверя» с множеством комментариев на полях. (Автор «подарка» остался неизвестным.) Эта книга, представлявшая собой аллегорическую пародию на христианскую церковь, не была философским трактатом, однако она заставила римских инквизиторов обратить внимание на те сочинения, в которых Бруно развивал свое учение.

В «Кратком изложении» мы находим большой раздел, посвященный допросам Бруно по поводу множественности миров, вечности мира, движения Земли и других философских вопросов, содержащихся в его книгах*. При этом видно, что на допросах, касающихся философских проблем, Бруно уже не ерничает, не выкручивается, а излагает взгляды, адекватные тем, которые он развивал в своих тру-

* То, что материалы этих допросов были включены в «Краткое изложение» и при этом выделены в специальный раздел, дает, на мой взгляд, серьезное основание полагать, что как минимум одним касающееся его философского учения.

дах. Однако, судя по всему, его ответы не удовлетворяют следователей. Так, следователь в Риме неоднократно возвращается к ответам Бруно, включая изложение его учения о множественности миров, данное на допросе еще в Венеции. Новые ответы либо остаются без комментариев со стороны следователя, либо сопровождаются примечаниями типа: «На XIV допросе, по существу, отвечал в том же роде относительно множества миров и сказал, что существуют бесконечные миры в бесконечном пустом пространстве, и приводил доказательства». Или: «Относительно этого ответа (о множественности миров. — Ю. М.) опрошен на XVII допросе, но не ответил утвердительно, ибо вернулся к тем же показаниям» [5, с. 374].

И все же попытки утверждать, что Бруно сожгли за идею множественности миров и бесконечности Вселенной, за коперниканство или за другие философские воззрения, наталкиваются на очень серьезные возражения. Так, А. Ф. Лосев вполне резонно указывал, что многое в учении Бруно было созвучно взглядам его предшественников и последователей: Николая Кузанского, Фичино, Коперника, Галилея, Кеплера и других, но инквизиция почему-то отправила на костер только Бруно. Анализируя причины этой селективности, Лосев писал, что роковую роль в судьбе Бруно сыграло то, что он развивал очень последовательную, без каких-либо оглядок на «христианскую совесть» версию пантеизма — философско-религиозного учения, как бы растворяющего Бога в природе, отождествляющего Бога с миром. Это было характерно для языческого неоплатонизма античных философов и вело к фактическому отрицанию Творца мира как надмировой абсолютной личности, а значит, к антихристианству и антицерковности. Вот за этот языческий неоплатонизм, писал Лосев, Бруно и пострадал (см. [7, с. 471, 477]).

Следует подчеркнуть, что выявление в учении Бруно неоплатонизма (пусть даже языческого) или пантеизма еще не объясняет ни антихристианства Бруно, ни того, почему именно он был сожжен*. Сам Лосев отмечал, что во времена Бруно неоплатонизм был весьма распространен даже среди церковных деятелей. Однако люди, развивавшие эту философию, каялись затем в своих нехристианских чувствах, причем «каялись безо всякого принуждения, в глубине своей собственной духовной жизни и перед своей собственной совестью. Совсем другое дело — Джордано Бруно, который был антихристианским неоплатоником и антицерковником в последней глубине своего духа и совести» [там же, с. 471].

Сказанное Лосевым означает, что для понимания трагической судьбы Бруно мы должны как минимум попытаться понять, почему у человека, воспитанного в рамках христианской культуры, отсутствовала «христианская совесть». Ниже я попытаюсь показать, какую роль в этом сыграла развиваемая философской концепцией множественности миров. При этом, однако, важно учитывать, что осуждение Бруно вообще нельзя однозначно объяснить какими-либо «измами» или ересями. Конечно, церковь боролась с ересями, язычеством и тем более антихристианством (например, со всевозможными сектами «сатанистов»), но само по себе наличие в учении какого-либо прегрешения, пусть даже очень серьезного, еще не означало, что автора этого учения следует отправить на костер. Церковные иерархи нередко закрывали глаза на многие ереси, а папа Климент VIII, например, приблизил к себе обвинявшегося в атеизме философа Чезальпино. Тем не менее этот же папа возглавил конгрегацию кардиналов, осудивших Бруно, хотя справедливости ради следует отметить, что он неоднократно использовал свой решающий голос для того, чтобы оттянуть вынесение окончательного приговора, надеясь на раскаяние подсудимого.

Мне кажется, что при анализе процесса Бруно резоннее спросить, не за что (причины для расправы можно найти всегда), а для чего сожгли философа? Ведь, в принципе, подсудимого можно было без всякого шума «сгноить» в тюрьме ин-

* Пантеизм Бруно к тому же далеко не бесспорен. Л. П. Карсавин, например, писал, что многочисленные попытки истолковать систему Бруно в пантеистическом смысле наталкиваются на совершенно определенные заявления философа о надмирности Бога (см. [8, с. 204]).

квизиции, где он уже просидел несколько лет. Однако церковь почему-то устроила публичную казнь, не объяснив толком, за что сжигают человека, точнее, обвинив философа в примитивных кощунствах. Впрочем, может именно в такой дискредитации мыслителя и состояла основная цель судей? Но это значит, что основную опасность представлял уже не сам Бруно, а его учение, которое могло распространиться благодаря тому, что ряд книг философа был издан. Это учение (а идеи о бесконечности Вселенной и множественности миров занимали в нем доминирующее место) и требовалось как-то дискредитировать, продемонстрировав, что из себя представляет его автор — «нераскаявшийся, упорный и непреклонный еретик». Другой вопрос, удалась ли и могла ли вообще удалась затея судей? Но сейчас нам важнее понять, почему учение Бруно представляло (и представляло ли) опасность для церкви?

Звездные миры Бруно и Вселенная христианской церкви

Выше я уже писал, что и в доносах на Бруно, и в письме Шоппе нечестивость философа как-то связывалась с учением о множественности миров. Однако это учение до Бруно, вообще-то говоря, не считалось еретическим и даже активно обсуждалось средневековыми теологами, полагавшими, что создание только одного мира недостойно бесконечного могущества Бога. В конце XIII в. архиепископ Парижа даже осудил как еретический тезис о невозможности для Бога создать множество миров. Что же в таком случае так пугало всех в учении Бруно?

В фундаментальной монографии «Идея множественности миров», само появление которой во многом обусловлено современными поисками внеземных форм жизни и разума, автор этого историко-философского исследования В. П. Визгин пишет, что принципиальным отличием учения Бруно от других концепций множественности миров было радикальное переосмысление взглядов на наш мир и его место во Вселенной. Визгин объясняет, что, допуская существование каких-либо иных миров, мыслители Античности и Средневековья представляли эти миры как сугубо геоцентрические и даже геоморфные, т. е. для них в каждом из этих миров сохранялось жесткое противопоставление Земли и Неба, зачастую представления о плоскости Земли и т. п. Эти миры — а их могло быть и бесконечное множество — находились в каких-то абстрактных пространствах и не имели ничего общего с видимыми нами звездами и планетами, так как звездное небо считалось *неотъемлемой частью нашего мира*. Поэтому, например, допускалось существование миров, на небе которых могли бы быть иные светила или вообще не быть никаких светил. Однако где и как расположены такие миры, каждый из которых, как и наш, мыслится конечным, разделенным на небо и землю, было совершенно не ясно (см. [9, с. 138—147]).

В определенной степени такие представления об иных мирах созвучны идеям современных ученых, предполагающих наличие в каких-то иных измерениях других вселенных, в которых физические константы и законы могут радикально отличаться от констант и законов нашей Вселенной. Конечно, эти идеи достаточно неординарны, но в целом они, например, совершенно не затрагивают «физико-центризм» современного научного мировоззрения. По сути, учеными допускается существование законов природы еще не известного нам типа, но само, сугубо антропоморфное, понятие «закон» под сомнение при этом не ставится.

Эта параллель с современными идеями позволяет, как мне кажется, лучше понять революционность бруновского учения, не только преодолевавшего гео- и гелиоцентризм, но и делавшего бессмысленным вообще какой-либо пространственный «центризм», учения, которое, с одной стороны, низводило Землю до уровня затерянной в бескрайних просторах песчинки, а с другой стороны, превращало наш замкнутый мир в бесконечную Вселенную, где привычные звезды уже не просто светила для человека, а миры, подобные нашему. «Кристалл небес мне не преграда боле, / Рассекши их, подъямлюсь в бесконечность», — писал Бруно в одном из своих сонетов [10, с. 302].

Я думаю, что даже современные люди, с детства привыкшие слышать об иных мирах, были бы немало удивлены, если бы им стали доказывать, что нечто совершенно привычное, сугубо земное на самом деле является частью иной жизни и иного разума. Вспомним, например, какое чувство внутреннего протеста вызывают, пусть даже в шутку высказываемые, предположения о том, что земная жизнь и мы сами — это результат какого-то космического эксперимента. Стоит ли тогда удивляться реакции сокамерников Бруно — людей простых, не испушенных в схоластических дискуссиях? Впрочем, дело не сводилось к научной смелости идей Бруно, который, по выражению Визгина, «астронсмизировал» концепцию множественности миров, отождествив видимое всеми небо с бесконечной Вселенной, а звезды и планеты с иными мирами*. «Рассечение небес» было тесно связано у Бруно с критикой основ христианского мировоззрения. Именно поэтому Шоппе называл миры Бруно нечестивыми, а сокамерники вспоминали его философские построения не со скукой, а с ужасом.

В литературе, посвященной Бруно и его эпохе, нередко можно встретить примерно следующее объяснение причин, по которым учение о множественности миров могло представлять опасность для церкви. Во-первых, это учение в корне противоречило господствовавшему в средние века геоцентризму, которого придерживалась и церковь, во-вторых, оно не соответствовало догмату о том, что человек — венец творения, Земля — центр мира, а Христос — спаситель рода человеческого. (См., например, примечания А. Х. Горфункеля к материалам процесса по делу Бруно [5, с. 408].)

Следует отметить, что ко времени этого процесса церковь уже полстолетия мирилась с учением Коперника, и скорее можно предположить, что именно Бруно в полной мере раскрыл глаза Ватикану на опасность дальнейшего распространения концепции гелиоцентризма. (В отличие от католиков протестанты с самого начала были настроены антикоперникански.) Далее. Сама по себе идея множественности миров была индифферентна и по отношению к учению о гелиоцентризме, и по отношению к догматам христианской церкви. Каждый из множества миров можно считать геоцентрическим, что, собственно, и делалось многими античными и средневековыми мыслителями. Эта идея не противоречила и положению об универсальном значении искупительной жертвы Христа. Ведь можно допустить, что такая жертва приносилась или должна быть принесена в каждом из миров Вселенной**. Не исключено также, что в иных мирах вообще не было грехопадения, а поэтому не нужно и искупление. Наконец, можно считать, что Богочеловек появился только в одном месте Земли (и всей Вселенной тоже), что ставит перед последователями Христа миссионерскую задачу космических масштабов. Поэтому учение о множественности миров вполне могло использоваться для обоснования миссионерских задач церкви в эпоху великих географических открытий, когда слово Христа приходилось нести народам, о существовании которых никто ранее даже не подозревал.

Необходимо подчеркнуть, что встречи с новыми народами ставили перед Европой XVI в. не только миссионерские задачи. До сих пор путешественники стал-

* Безусловно, Бруно не мог совершить такой переворот в одиночку. Многое в этом направлении, причем в логическом отношении гораздо глубже, сделал еще в середине XV в. Николай Кузанский, которого Бруно неоднократно называл своим учителем. В то же время в учении Бруно сохранилось немало реликтов средневековых концепций множественности миров. Полная «астрономизация» этой концепции стала возможной лишь в рамках науки Нового времени, в частности, после введения Ньютоном понятия абсолютного, единого для всей Вселенной пространства.

** Это предположение использовалось для критики идеи о множественности миров протестантским теологом середины XVI в. Филиппом Меланхтоном, который считал, что принятие этой идеи означало бы издевательство над таинством искупления. Богочеловек, писал Меланхтон, пришел в обличии человека в наш и только наш мир, здесь он прошел свой крестный путь, и мы не можем допустить, чтобы эта драма повторялась бесчисленное число раз во всех бесчисленных мирах (об этом см. [6, с. 118—119]). Понятно, что такое «тиражирование» показалось бы еще более кощунственным, если бы иные миры находились рядом с нашим, как это следовало из учения Бруно.

квивались с обществами, стоящими на более низкой ступени социального развития и исповедующими более примитивные, а то и варварские формы религии. (Последнее обстоятельство для людей той эпохи было куда важнее технической отсталости.) Но что, если мы обнаружим народы, по сравнению с которыми сами будем выглядеть дикарями, а наша религия — варварским суеверием? Во времена Бруно таких народов еще не встречали, но уже в 1516 г. Томас Мор написал свою знаменитую «Утопию», а в 1602 г. пожизненный узник неаполитанской тюрьмы Томмазо Кампанелла завершил «Город Солнца» — рассказ мореплавателя, якобы попавшего в идеальное государство, жители которого значительно опередили другие народы в науке и социальном устройстве. Заметим, что в 1598—1599 гг. Кампанелла возглавил в Калабрии заговор с целью свержения на юге Италии испанского владычества и создания там идеального общества, подобного описанному им затем в книге. Таким образом, фантазии об иных государствах оказывались неразрывно связанными с попытками революционного переустройства существующих порядков. Понятно, что аналогичным, и даже куда более мощным, потенциалом могла обладать идея множественности миров.

Впрочем, вопросы социального равенства интересовали Бруно мало. Гораздо более его увлекала проблема постижения истинного Бога. Вспомним, что еще на допросе в Венеции Бруно утверждал, что считает недостойным благодати и могущества Бога создание единственного и конечного мира. Бог всемогущ, настаивал Бруно, и именно эта, вполне христианская идея, постепенно привела его к выводу о том, что Бог христианства слишком земной, слишком антропоморфный, чтобы быть истинным. А значит, поклоняться такому Богу — кощунство*.

Для правильного понимания творчества Бруно и роли в нем идеи множественности миров важно учитывать то, что Бруно не был ученым, хотя и затрагивал в своих сочинениях научные проблемы. Он плохо разбирался в астрономии и математике, а как философ-логик значительно уступал своему учителю — Николаю Кузанскому. Тем не менее Бруно лучше многих современников чувствовал динамизм своей эпохи, ее устремленность к радикально новому, ее, по словам Гегеля, «одержимость бесконечностью». Свое ощущение эпохи Бруно попытался выразить в философско-религиозном учении, которое он называл «героическим энтузиазмом», «философией рассвета» и т. п. Это учение должно было, по-видимому, прийти на смену христианству, чтобы способствовать преодолению разномыслия между протестантами и католиками, а также чтобы включить в себя идеи коперниканства, бесконечности Вселенной и, самое главное, нового человека, способного рассеять ограничивающий его волю и разум «кристалл небес»**.

Надо сказать, что многое из бруновской «философии рассвета» ранее уже разрабатывалось философами и теологами (идея деперсонифицированного бога, непостижимого с помощью земных аналогий; новое понимание человека и его места в мире; проблема синтеза Библии и Книги Природы и т. д.) или, во всяком случае, носилось в воздухе. Однако двигаться по этому пути слишком последовательно мыслители эпохи Возрождения опасались из-за возможности разрыва с христианством. При этом этого разрыва боялись не от недостатка мужества, а уже хотя бы потому, что, теряя связь с Христом, человек терял основу для постижения истины. Отсюда проблема «христианской совести», о которой говорил А. Ф. Лосев.

* Биографы философа отмечают, что еще в молодые годы Бруно «не без влияния реформаторских идей выставил из кельи образа святых, оставив одно лишь распятие: в почитании образов он видел остатки языческого многобожия и идолопоклонства» [11, с. 27].

** В диалоге «Пир на пепле» Бруно признается, что поначалу отнесся к идее движения Земли как к безумию и лишь постепенно, в ходе своих философских поисков, осознал истинность этой идеи (см. [10, с. 131]). Таким образом, не астрономия сделала Бруно еретиком, а весьма распространенное в ту эпоху стремление обновить христианство, побудившее его искать подходящие основания для такого обновления в идеях Коперника, в античной философии, магии и, наконец, в учении о множественности миров.

Люди Ренессанса, писал он, «тоже были своего рода героическими энтузиастами. Но всех их страшила трагедия изолированной человеческой личности (потерявшей связь с Христом. — Ю. М.), и если они увлекались ее самоутверждением, то скоро тут же каялись в этом» [7, с. 477]. Другое дело — Бруно, который заполнял возникающий при разрыве с христианством идейный вакуум религиозно-мистическим чувством связи с иными мирами, обитатели которых могли, подобно жителям островов-утопий, приблизиться к постижению истинного Бога в большей степени, чем земляне. Вот с позиций этих вероятных учений Бруно и мог смотреть на христианство так, как на него не смотрели со времен римских императоров: не как на универсальный путь к спасению, а как на местечковую религию, смесь суеверий и шарлатанства*.

По-видимому, возможность такого взгляда на христианство «сверху», с позиций более совершенных, более адекватных реалиям XVI в. религий, могла показаться инквизиции куда страшнее, чем реформация или атеизм. Ведь и протестантизм, обвинивший Ватикан во всех смертных грехах, но сам затем в них погрязший, и примитивный атеизм, смело утверждавший, что Бога нет, но затруднявшийся объяснить, что же правит миром, христианства как такового не затрагивали. Более того, протестантизм, даже внеся в христианство ряд фундаментальных новаций, провозглашал себя возвратом к евангельской, раннехристианской традиции, не испорченной папством. Другое дело — «философия расцвета» Джордано Бруно, сохраняющая веру в Творца и (в то же время) устремленная вперед, в Неведомое, включающая или пытающаяся включить в себя мировоззренческую революцию XVI в. и воздвигающая всемогущему Богу единственно достойный ему храм в виде бесконечной Вселенной, заполненной бесконечными мирами, обитатели которых различными путями движутся к постижению той истины, которая приоткрылась бывшему доминиканскому монаху, живущему на планете Земля.

Фундаментальная новация Бруно состояла во введении в религию идеи прогресса, т. е. представления о том, что с ходом времени происходит не деградация некоего «золотого века», истинной мудрости, подлинной святости и т. п., а наоборот, приумножение и совершенствование знаний, включая знание о Боге. «Современная мудрость превосходит мудрость древних», — писал Бруно в книге «Пир на пепле» [10, с. 63—64]. Тем самым он обнаруживал в истории необратимое развитие и экстраполировал его на иные миры, многие из которых могли уйти в своей эволюции дальше Земли**. При этом Бруно допускал, что душа может свободно перемещаться из одного мира в другой. Такое предположение радикально противоречило христианской догматике, отводившей для души особое, *внемировое* пространство «того света», но зато оно было необходимо Бруно для установления принципиально возможной связи с иными мирами, отделенными, по Бруно, от нашего только пространственным барьером. Таким образом, бруновское учение о множественности миров затрагивало святая святых христианской

* Существенную роль в формировании у Бруно таких взглядов могла сыграть распространившаяся в эпоху Ренессанса и, безусловно, хорошо известная инквизиции античная антихристианская литература, намеки на которую можно найти в работах Бруно «Изгнание торжествующего зверя», «Пир на пепле» и «Тайна Пегаса».

** В. С. Библер отмечал, что только начиная с XVIII в. «утопический социальный строй расположен уже не рядом с государством наличным (в том же времени, но в другой точке пространства, в „нигде“), теперь новый истинный строй социального бытия встраивается в шкалу *временную* на основе идеи прогресса» [12, с. 16]. По сути идея множественности миров играла для Бруно примерно ту же роль, какую для последующих столетий играла идея прогресса — условия неперменного изменения всех существующих социальных институтов. Именно поэтому, как мне представляется, отрякаясь в ходе следствия от многих ересей, Бруно категорически не желал отречься от своих космогонических идей, при помощи которых он обосновывал возможность и необходимость дальнейшего обновления церкви — главного социального института того времени.

веры, и именно поэтому следователи настойчиво предлагали Бруно отказаться от еретических взглядов, будто душа человека подобна не аристотелевской форме (неотделимой телесным образом от материи), а кормчему на корабле (об этом см. [2, с. 354]). Бруно отказался это сделать, потому что именно такая душа была необходима ему для связи с иными мирами, образующими, по мысли философа, некоторую целостность, аналогичную организму*. Понятно, что такой душе уже не нужна прежняя церковь (как посредник между принципиально различными земным и небесным мирами), однако самой церкви вряд ли могла понравиться перспектива лишиться человеческих душ, а вместе с ними и прихожан. Гораздо проще было навсегда расстаться с одним из них.

Звездные миры или земное зеркало? Уроки процесса Бруно

И все же главная причина осуждения Бруно состояла в том, что философ не захотел раскаяться, а церковь не захотела его простить. Произошло же это, на мой взгляд, прежде всего потому, что обе стороны очутились в логическом тупике, трагической попыткой выхода из которого стал костер на Площади цветов. Безусловно, инквизиция прекрасно понимала, что в споре с Бруно костер — это не аргумент. Однако на католическую церковь оказывали сильное давление протестанты, критиковавшие Ватикан за потворство учениям, допускавшим вольную трактовку Библии. С другой стороны, Ватикан и сам боялся новой реформации, а при определенных условиях «философия рассвета» Бруно вполне могла сыграть роль знаменитых тезисов Лютера. В конце XVI в. было очень много людей, считавших, что церковь требует радикального обновления, и способных увидеть основу такого обновления в сочинениях Бруно.

Адекватным ответом на вызов, брошенный церкви философом, могла быть лишь радикальная перестройка христианского мировоззрения, позволяющая, с одной стороны, органически включить в него открывающуюся человеку бесконечную Вселенную, а с другой — обуздать возмнившую себя всемогущей ренессансную личность. Как ни странно, союзником церкви в этой парадоксальной перестройке христианского мышления явилось точное естествознание, учившее, что постижение законов природы требует не героического энтузиазма, поэтических фантазий и таинств магии, к которым был весьма склонен Бруно, а все возрастающей дисциплины разума. Конечно, такой союз (далеко не всегда последовательный и прочный) не мог быть результатом сознательной попытки. Просто церковь (и католическая, и протестантская) все чаще демонстрировала готовность считаться с растущим авторитетом ученых и даже идти с ними на компромиссы по мировоззренческим вопросам. В итоге между наукой и религией происходил грандиозный раздел сфер влияния, согласно которому науке «отходила» бесконечная Вселенная без души, а религии — бессмертная душа без разума. Однако 17 февраля 1600 г. до этого раздела было еще очень далеко, а угроза, исходившая от учения Бруно, представлялась слишком серьезной.

Что же касается Бруно, то его неуступчивость была вызвана, по-моему, главным образом тем, что он, попросту говоря, не знал, как развивать свою философию дальше, и не мог, например, как Галилей, покаяться, а затем в новой, более глубокой и по своей сути более еретической форме осуществить дальнейшую разработку основ неаристотелевской физики, содержащей обоснование истинности гелиоцентрической системы Коперника. Как следствие, Бруно был вынужден все более и более подменять логическое развитие своего учения его пропагандой, и я думаю, что постоянные нападки философа на христианство во многом обусловлены подсознательным ощущением поверхностности разрыва с этой ре-

* В число важнейших составляющих философии Бруно входил гилозанизм — учение, отождествляющее «живое» и «сущее» и, в частности, рассматривающее Космос как живой организм.

лигией. Во всяком случае, кощунствовать и издеваться над бесхитростными молитвами сокамерников мог только человек, сменивший глубокую веру в Христа на ненависть к нему и мучительно страдавший от непринципиальности такой замены.

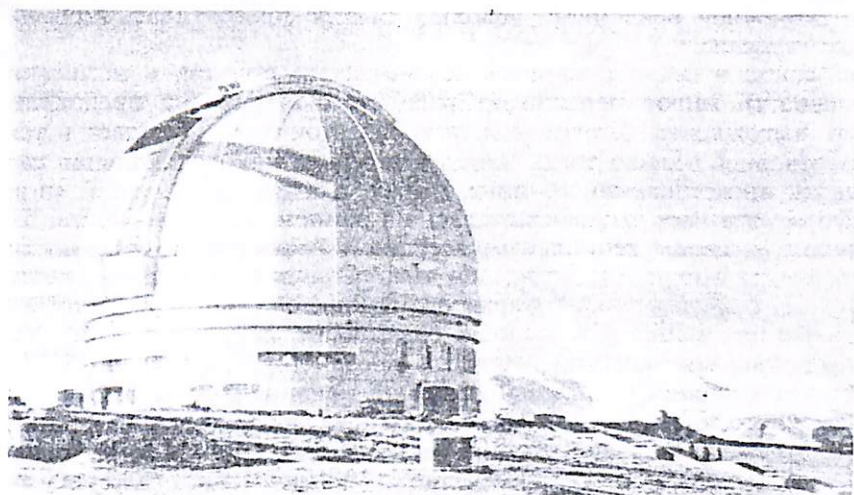
Но что, собственно, мешало одаренному гениальной интуицией, поистине героическим энтузиазмом и феноменальной памятью Бруно продолжить качественное развитие своего учения? Мне кажется, что роковую роль тут сыграли некоторые логические особенности, так сказать, «логическое коварство» идеи множественности миров. И в этом, по-видимому, состоит наиболее важный урок, который могут извлечь из процесса над Джордано Бруно современные сторонники этой древней концепции.

Разработка идеи множественности миров допускает, вообще-то говоря, движение мысли в двух противоположных направлениях. Во-первых, эта идея может использоваться для распространения земных представлений на области Неизвестного. В этом случае мы имеем дело с мышлением «по аналогии», не способным давать серьезные результаты. Поэтому-то среди выдающихся мыслителей практически нет энтузиастов этого учения. Еще Платон в «Тимее» писал, что признание кем-либо беспредельности числа миров он рассматривал бы как признак беспредельной глупости (об этом см. [9, с. 72]). Во-вторых, идея множественности миров может выступать как своеобразная методика взгляда «со стороны», как способ увидеть Неведомое в самом привычном, земном. Но тогда эта идея будет продуктивна, лишь подвергая самой себя радикальной критике. Вдумаемся в то, чем, собственно говоря, наиболее интересен и важен для развития философии Бруно? Фактически, не собственно идеей множественности миров, а ее радикальной трансформацией, позволившей сделать иные миры неотъемлемой частью *нашего мира* — бесконечной, лишенной какого-либо пространственного центра Вселенной, пришедшей на смену замкнутому, иерархически упорядоченному космосу средневековья. При этом идея множества обитаемых и даже одушевленных миров, с которыми человек мог устанавливать связь при помощи магии*, служила Бруно своеобразной «подпоркой», защитой от того шока, который испытали мыслители XVII в., осознав радикальную враждебность человеку бесконечной Вселенной, уже лишившейся привычного антропоморфного Бога, но еще «не заполненной» физическими законами природы. Вспомним хотя бы знаменитые строки Паскаля: «Я вижу эти ужасающие пространства Вселенной. <...> Я вижу со всех сторон только бесконечности, которые заключают меня в себе, как атом» (цит. по [13, с. 301—302]). Бруно же эти бесконечности и связанные с ними парадоксы познания стремился не видеть. Проявив максимум мужества в отстаивании своего учения, он по сути уклонился от «логической» ответственности за него, и в этом смысле не представлявшие себя вне христианства Галилей, Декарт, Ньютон и другие ученые XVII в., разрабатывавшие основы физической картины мира, — действительно иного, странного и безумного (как скажут в XX веке) мира, — оказались куда большими революционерами, чем неистовый антихристианин Бруно**.

Очарованный открывшейся перед ним величественной картиной бесконечной Вселенной, заполненной множеством миров, Бруно, по-видимому, не осознавал, что угодил в методологический тупик. Детализация развиваемого им учения требовала выдвижения гипотез о природе иных миров, однако такие гипотезы легко

* Л. С. Лернер и Э. А. Госселин полагают, что, по мысли Бруно, возрождение и обновление древнего искусства магии с помощью космических идей Коперника и самого Бруно должны были высвободить божественную сущность людей и утвердить на Земле новый «золотой век» [3, с. 82—83].

** Таким образом, подлинное развитие идеи множественности миров в Новое время осуществляли не всевозможные фантазеры, а те ученые и философы, которые совершали «коперниканские перевороты» в нашем мышлении. И тогда можно предположить, что длящееся уже несколько тысяч лет самообновление человеческого мышления, обнаружение в нем новых глубин, новых форм разумности — это и есть искомый фантастами контакт с иным разумом. Во всяком случае, такая попытка найти инобытие в сугубо земном была бы вполне созвучной бруновскому подходу к этой проблеме.

Специальная астрофизическая обсерватория (САО) АН СССР в станции Зеленчукской (Северный Кавказ, высота 2 500 м), для сотрудников просто — «Башня». С 1973 г. В. Ф. Шварцман руководил здесь многолетним экспериментом МАНИЯ (Многоканальный анализ наносекундных изменений яркости), целью которого было обнаружение «черных дыр». Здесь в 1975 г. проходила Всесоюзная школа-семинар по проблемам СЕТИ, на которой Шварцман сделал доклад «Эксперимент МАНИЯ и возможности поиска внеземных цивилизаций в оптическом диапазоне», а И. С. Шкловский выступил с идеей уникальности земного разума во Вселенной. Фото из архива друзей (1972 г.)

вырождались в пустое фантазирование «по аналогии». Поэтому Бруно избегал каких-либо детализаций, оставляя свое учение на уровне религиозно-поэтической идеи, которую можно было проповедовать, но нельзя методически развивать. Именно поэтому наука Нового времени, вообще-то говоря, осталась равнодушной к идее множественности миров, но зато за нее с радостью ухватились популяризаторы и публицисты, превратив ее в удобный литературный прием. Уже в XVII в., когда труды Бруно еще находились под строжайшим запретом, в Европе стали распространяться книги, в которых люди отправлялись в забавные и назидательные путешествия на другие планеты. Эти книги, особенно «Беседы о множестве миров» Фонтенеля, пользовались огромным успехом и никого в общем-то не пугали. Вместо иных миров можно было легко представить себе различные страны, отличающиеся друг от друга климатом, обычаями и социальным устройством. Эти отличия лишь несколько утрировались, чтобы читателю было легче оценить порядки в своей собственной стране. Тем самым идея, с помощью которой Джордано Бруно хотел сделать землян гражданами

Иосиф Самуилович Шкловский
(1916—1985)

данами бесконечной Вселенной, довольно быстро превратилась в обычное публицистическое зеркало.

Сейчас, когда в связи с началом космических полетов и исследований идея множественности миров переживает расцвет, очень важно предохранить ее от повторного вырождения. Длительная история этой идеи убеждает в том, что она была плодотворной только тогда, когда выступала как радикальная самокритика сложившихся представлений об иных мирах, а заодно и о нашем мире. Именно в такой форме эта идея разрабатывалась на раннем этапе творчества Бруно, когда он пришел к своим гениальным догадкам. Аналогичное использование идеи множественности миров мы встречаем и в «Солярисе» Лема — блестящей критике расхожих представлений о характере контактов с иным разумом и, как следствие, о характере нашей собственной разумности. Наконец, весьма интересными и плодотворными мне кажутся гипотезы «позднего» Шкловского И. С. о невозможности обнаружения внеземной разумной жизни из-за «космической мимикрии», а также его попытки возрождения представлений о единственности земного (иного мы, впрочем, не знаем) разума во Вселенной (см. [14]). На первый взгляд, такие гипотезы вселяют пессимизм. Однако способность к столь решительной самокритике является, по-моему, гарантом того, что учение о множественности миров вновь сможет порождать действительно глубокие и парадоксальные идеи о том, где и как можно встретиться с иной жизнью и иным разумом. Ведь не исключено, что мы уже давно общаемся с ним, но не осознаем этого, и нужен новый Джордано Бруно для того, чтобы мы смогли это понять.

Список литературы

1. Шварцман В. Ф. Поиск внеземных цивилизаций — проблема астрофизики или культуры в целом? // Проблема поиска жизни во Вселенной: Тр. Таллиннского симпозиума. М., 1986. С. 230—236.
2. Рожицын В. С. Джордано Бруно и инквизиция. М., 1955.
3. Лернер Л. С., Госселин Э. А. Галилей и призрак Джордано Бруно // В мире науки. 1987. № 1. С. 80—83.
4. Джордано Бруно и инквизиция. Протоколы процесса Джордано Бруно в венецианской инквизиции // Вопросы истории религии и атеизма. М., 1950. Т. 1. С. 325—419.
5. Джордано Бруно перед судом инквизиции. (Краткое изложение следственного дела Джордано Бруно) // Вопросы истории религии и атеизма. М., 1958. Т. 6. С. 349—416.
6. Yates F. A. Giordano Bruno and the hermetic tradition. L., 1964.
7. Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. М., 1973.
8. Карсавин Л. П. Джордано Бруно. Берлин, 1923.
9. Визгин В. П. Идея множественности миров. М., 1983.
10. Бруно Дж. Диалоги. М., 1949.
11. Горфункель А. Х. Джордано Бруно. М., 1973.
12. Библер В. С. Размышления о принципах периодизации утопического социализма // Из истории утопического социализма. Свердловск, 1981. С. 1—18.
13. У истоков классической науки. М., 1968.
14. Шкловский И. С. О возможной уникальности разумной жизни во Вселенной // Вопросы философии. 1976. № 9. С. 80—93.

